

Несомненно ф. М.

12.07.94

Рос. вестн. - 1994 - 12 ию. МАСТЕРСКАЯ

Улыбка «Мышкина 20-х годов»

Заслуженный деятель искусств Александр Михайлович Кравцов, человек, о котором говорят «двуличный», руководит театром «Мир искусства», пишет пьесы, очерки, статьи, сам играет в спектаклях. А еще находит время для бескорыстных встреч с ветеранами, детьми из сиротских домов-интернатов. Сердечное участие принял и в судьбе известного артиста кино Федора Михайловича Никитина в последние годы его жизни... Впрочем, здесь нет ничего удивительного. Ведь Федор Михайлович был его Учителем.

О своем духовном наставнике Федоре Михайловиче НИКИТИНЕ рассказывает Александр КРАВЦОВ.

В историю киноискусства он вошел в 1926 году, хотя в кино стал сниматься значительно раньше. Случилось это с выходом на экраны немого, но до сих пор живого фильма «Катка - бумажный ранет», где Федор Никитин сыграл роль безработного и бездомного интеллигента Вадьки, затерянного в блеске и нищете советского «нэпа». Успех был огромный. Западная критика назвала актера «Чаплинным русских степей». Да и сам Чарльз Спенсер Чаплин, увидев фильм с Никитиным «Обломок империи», публично высказал свой восторг прежде всего невиданной в кино тех лет психологической тонкой игрой актера.

С появлением на свет картин «Дом в сугробах» и «Парижский сапожник» зрители стали ходить «на Никитина», а интеллигенция назвала его «Мышкиным 20-х годов», хотя самого князя, героя Достоевского, ему сыграть не довелось нигде - ни в театре, ни в кино. Все его персонажи были благородными, хотя и не слишком счастливыми чудачками, творившими добро для всех, кроме самих себя. Последние фильмы с участием Никитина вышли в середине 80-х годов. Зрители запомнили и полюбили его персонажи в картине «И жизнь, и слезы, и любовь» и в телесериале «Под знаком Красного Креста». Две последние роли стали отражением личной биографии замечательного мастера художественного экрана. Невольным и трагическим отражением...

Впрочем, и тогда были у него светлые минуты.

Много ли вы знаете случаев, чтобы кинорежиссеры ходили на поклон к актерам - пригласить их сниматься? Чаще всего путь артиста к фильму лежит через кинопробы, ожидания, отказы или нескорое утверждение на роль. Никитин был стар и болен. Ноги отказывали, сердце работало ненадежно, сил было мало. Жена почти не могла передвигаться без посторонней помощи. Остальные близкие... Но о них лучше и не вспоминать. И вдруг в ленинградскую квартиру старого актера, который сам себя называл уже «уходящей натурой», позвонил посетитель. Федор Михайлович решил, что это кто-нибудь из бывших учеников, которые периодически навещали к нему. Но в проеме входной двери стоял уже весьма известный в ту пору актер и кинорежиссер Николай Губенко. «Федор Михайлович, - заявил он безобиняков, - я готовлюсь снимать фильм о стариках и милосердии. Без вас у меня ничего не получится»...

Фильм вышел на экраны и потряс зрительские сердца. Как забыть умные, пронзительные глаза интеллигентного, украшенного многими правительственными наградами человека, доживающего свой век в доме для престарелых? Как забыть его всепрощающую улыбку? Былая слава Федора Никитина вернулась с новыми поколениями кинозрителей. В телесериале «Под знаком Красного Креста» он сыграл старого рабочего, одинокого при живых родственниках. Мало кто знал, что за кадром два замечательных артиста, Федор Никитин и Михаил Кузнецов, сами оказались в обстоятельствах своих персонажей. Для обоих этот фильм стал последним...

«По Никитину я измеряла интеллигентность - он был ее воплощением», - призналась мне Нонна Мордюкова. «Никитин - актер, которого мы все изучали», - говорят выпускники ВГИКа. Формально Федор Михайлович не был обойден и наградами за творческий труд: две Государственные премии, орден, почетное звание народного артиста РСФСР. Правда, ценил он больше боевые ордена и медали, полученные на Ленинградском фронте в годы войны и блокады.

Его избрали в секретари Ленинградского отделения Союза кинематографистов СССР - он понял это как возможность творить добро. Выбывал квартиры для актеров, устраивал их на отдых и лечение, заботился о стариках, которые были младше его по возрасту. Чиновники терпеть не могли Федора Михайловича. Однажды он, детскими

глазами глядя на очень высокопоставленного партийного руководителя, спросил: «Неужели надо окончить детский корпус, чтобы услышать нужду другого человека? Я был кадетом, но, как видите, пришел просить не корысти ради. А вы - коммунист. Так покажите пример справедливости и благородства!» После этого разговора орден Трудового Красного Знамени, к которому Никитин был представлен, срочно сменили на скромный «Знак почета».

В 1986 году ко мне в Москву позвонили друзья из Питера: «Федор Михайлович просит устроить его в Москву, в Дом ветеранов кино. Помогите!» Я бросился в «Стрелу» и через день увозил своего учителя в столицу, еще толком не зная, что нам предстоит преодолеть на пути к его заслуженному покою в уютном пристанище кинематографических стариков... На Московский вокзал в Ленинграде пришли многие его ученики - взрослые, сильные люди. Они держались, бодрились - не могли огорчить его при последнем прощании. Все знали, что больше Федор Михайлович никогда не вернется в родной город, а с ним уходит лучшая часть их жизни - пытливая романтическая молодость «шестидесятников». Поезд тронулся, и они заплакали, как дети.

А в Москве... Об этом рассказывать труднее всего. Разгорелась долгая борьба со всепоглощающей бюрократией. Надо было видеть и слышать, с какой изобретательной тупостью боролись люди из Моссовета, запрещая прописать очень старого человека на жилплощади, которая ни с какой стороны московским властям не принадлежала. Дом ветеранов кино был построен на средства Союза кинематографистов и целиком находился на его балансе. В борьбу вместе со мной включились Элем Климов, Михаил Глузский, Вячеслав Тихонов. Нам с трудом удалось добиться временной прописки - на один год. А в Доме ветеранов кино стало солнечнее: к Федору Михайловичу зачастила молодежь - ученики его учеников, их друзья. Он и в глубокой старости был интересен людям. К нему на благословение приезжали молодожены - прямо из загса. Душа Никитина оживала в дряхлом, уже отказывающем ему теле. Он был счастлив в тот, последний, год своей жизни. Ко всему судьба одарила его дружбой с соседом по ветеранскому пристанищу, великим поэтом Арсением Александровичем Тарковским. Деятели кино дружно представили

своего старейшину к почетному званию народного артиста СССР. Но оно не поспело... и продлевать подписку не потребовалось. Угасал он на глазах, до последней секунды сохранив свою знаменитую всепрощающую улыбку князя Мышкина...

Мой учитель обрел вечный покой на Ваганьковском кладбище, рядом со своими коллегами, киноактерами Александром Солоницыным и Виктором Авдюшко. А на экранах живут его герои, взывающие к сочувствию и милосердию... И есть еще книга, его книга, которую я должен опубликовать. Это главный мой долг теперь. Он ведь блистательно писал, был членом Союза писателей. Богатая книга - о целой эпохе театра и кино: от Ханжонкова и Станиславского до наших недавних лет. Только вот задача эта - не из простых. Теперь ведь над всем властью денег. Кажется, даже рыбку из пруда невозможно вытянуть без спонсора. Три года мытарств с книгой о другом великом актере, Анатолии Папанове, меня кое-чему научили, она, слава Богу, вышла в издательстве «Искусство». Так что, надеюсь, и книга Федора Михайловича увидит свет. Светлые люди и светлые книги нам, может быть, сейчас всего нужнее.

Публикацию подготовила Антонина РЫЖОВА.

